

ТЕАТРАЛЬНЫЙ «ДЕСАНТ»

I. ПОДТЫБОКСКИЙ «КОЛЛЕГА»

Усть-Илим. Усть-Илим... Надрываются наши транзитисты. Они то в дело трещат, сбиваясь с волн.

Серый облупленный дебаркадер тащится вверх по развалившейся Вычегде. Курс его — Усть-Кулом. На палубе не видно загораемых широклопчих сплавников, бороздятся геологов или еще кого-либо из той братии, что обычно шассирует плавучие домины. Здесь толпится группа людей, являющая собой яркую смесь стиличных «приближенных» курортников с демонстративно ободранными рыбаками. А она явно открывают взору встречаемых катеристов такие экзотические жесткие прикиды, что бедные парва сбиваются с курса и резко вырывают у самого нашего борта.

Кто же мы, шумные пассажиры серого дебаркадера или, как официально именуется это сооружение... бригада № 13?

Курортники? Отпускники, совершающие приятную прогулку по живописной Вычегде? Нет. Обитатели бригады № 13 (все единогласно решила, что число счастливых — в плавание будет удачным) — явный состав театрального — десанта, то есть творческая группа республиканского драматического театра.

Пользуясь разливом Вычегды, мы сумеем доставить наше искусство до самых отдаленных уголков верховья. Мы сумеем приобщить к театру людей, которые лишены возможности находить в нем постоянного друга. И если будет нужно, мы сумеем убедить их в необходимости такой дружбы.

Усть-Илим... Усть-Илим... Что застывает еще и еще — раз напевать эти слова? Ведь транзитисты давно замолкли. Что-то странно давно

совместное с вами, с духом нашей бригады слышится мне. Песня строителей гигантских плотин, песня новостроев, песня целинников. Наверняка Пахмутова, сочиняя ее, подумала и о нас, труженниках театральной «целины». Мы просто уверились в этом. Усть-Илим... Усть-Илим... Хорошо, что именно эта песня проводила нас в дальнюю дорогу.

Первый наш прыжок — Подтыбок. Первые встречи. Первые спектакли на гастролях. Так сказать, первая «целинная» премьера.

Приводим в клуб. Ну и что ж? Клуб как клуб. Обычный, сельский. Небольшой зал и сцена. Примелькавшиеся лозунги на красных полотнищах. Их никто не читает. И поделом. Любый плакат, любой лозунг врывается в сознание только своей новизной, свежестью, отточеной мыслью. Нет этого — считайте, явно бьет назидательная агитация. Все это прекрасно знают звездующие клубами. Но для них эти знания то же, что и плакаты для посетителей. Слышал, может, даже и бложик записал на каком-нибудь семинаре и забыл. Кстати, где же он, руководитель этого охота культуры? Почему не спешит явстречу? Ведь не так уж часто республиканский театр балует сельские клубы своим вниманием. Наконец он появляется. Не стану описывать этого деятеля культуры. При самом доброжелательном отношении описание его ничего не скажет в пользу выживания.

Но не будем доверяться первому впечатлению. Мудрость гласит: «Вязность обаялива». К сожалению, за нерышлыми восточными, длинными полумонашескими волосами и густой щетиной не скрывавшаяся душа подвизжика. Естественная мысль, выказываясь им о клубной работе, заключалась в следующем: мало платят. Вот раньше зарабатывал двести целковых. А теперь все

кружком ведет (какие именно, нам не удалось выяснить) и всего, — если не ошибаюсь, — он назвал что-то это — двадцать рублей. Не знаю каким образом сельский завклубом мог получить такой оклад и получал ли на самом деле, но оно ясно — за теперешнюю сотню перерабатывая данный товарищ не собирается.

Во время спектакля, который он не почтил своим присутствием, подтыбокский «коллега» (так представлялся завклубом) вернувшись к интересующей его теме: «Много ли артистам платят?». Я ответил, что многие ведущие артисты получают столько же, сколько и он. Его лицо изобразило искреннее разочарование. Потом сочувствие. Затем он потерял интерес к разговору.

Перед спектаклем я, как художественный руководитель группы, обратился к зрителям с кратким словом. Прием, передаваемый от сыктывкарских артистов, был встречен искренними аплодисментами. Шутка по поводу того, что мы пустились в путь, несмотря на миллионы комаров, кровососов поджидавших вечножизненных горожан, — тоже.

Но вот пережуху к более серьезной части выступления, говорю о советском театре, о его задачах и чувствую, что внимание ослабевает, возникает шум. Почему протестует вначале такое доброжелательная аудитория? Самое заманчивое — объяснить это ее неучастностью, невоспитанностью, нежеланием проследить. Успокоить себя этим я быстро закрутил. Но есть и другой выход. Попытаться ловить этих людей, почувствовавших опасную возможность очередной и скучной лекции. А понять, выйти форму и слова, могущие взволновать аудиторию. И тут начинается творческое единоборство с залом.

Я говорю о человечности пьесы Розова, о ее жизненности, так взволновавшей нас, о ее ястре,

Рассказываю о приметах нового, характерных для произведений искусства последних лет. О суровой и необходимой честности, подлинной гражданственности фильма «Президент», который скоро пойдет здесь, о том, что советское искусство успешно борется и будет продолжать борьбу с шаблоном, схемой, надуманностью. Я говорю о том, что настало время, когда художники могут говорить с людьми полным голосом, ставить самые острые вопросы. Пример — тот же Розов с его пьесой «В день свадьбы». Это тот автор, который в борьбе за настоящую, не изувеченную догмой, советскую мораль протестует против спекуляций всеми моральными кодексами, если они только на слух, на плакатах, а не сокрыты в настоящем чувством, не рождены подлинной жизнью, если эти кодексы вредят человеку. Зал слушает внимательно. Я уже не вижу равнодушных глаз, тоскливо обращенных к разрезу завесы. Я говорю о том, как нам дороги слова Всеволода Мейерхольда, сказавшего, что он ставит свои спектакли для того, чтобы летучи лучше летало после них. О том, что эти слова замечательного советского режиссера являются я нашим девизом.

Почти не сомневаюсь — в зале не было человека, слышавшего это замечание. Да и в этом нет ничего удивительного. Но не сомневаюсь также в другом — все слышавшие в зале поняли, что человек, сказавший эти слова, очень любил свое дело и хотел, чтобы оно приносило радость им всем, и что образные слова его помогают понять важность и необходимость театра. Не сомневаюсь потому, что после этих слов вспыхнула аплодисменты, длившиеся очень долго. Все мы почувствовали, что мостик к правильному восприятию сложной, во многом спорной пьесы Розова создан.

Кому не приходилось видеть спектакля на маленькой клубной сцене, куда не вмещаются декорации, где актеры в массовках стоят плечом к плечу, тому трудно представить особую атмосферу, возникающую здесь. Через несколько минут после раскрытия завесы (который лужно раздвигать руками, чего очень не любят помереж) здесь был уже единый коллектив актеров-зрителей, живущий единым дыханием искусства. Искусства настоящего, несмотря ни на что. Несмотря на духоту переполненного зала, на мигающий свет автодвижка, на то, что самые маленькие зрители зачастую распластаются прямо на сцене, что поначалу очень выбивает из колеи актеров. Но все с тревогой следят за душевными метаниями розовской Нюрки. Пусть не всегда сочувствуют ей, зачастую осуждают. Слышны реплики. Но зрители болеют за нее — в этом главное. Они ждут от нее душевного поэтизма, торжества. И когда звучат финальные слова героини: «Иля, Миша, идя», слова человека, явшедшего силы победить ложь в самой себе, они награждают героиню аплодисментами, в которых облегчение, радость, благодарность за торжество правды.

Слушая аплодисменты, я думаю: «Да, дорогой подтыбокский коллектив, мы по-разному смотрим на свои обязанности.»

А. ГОЛОВИН,
режиссер республиканского
муздрамтеатра.
(Продолжение следует).

Эта теплая встреча зрителей произошла в одну из гастрольных поездок артистов республиканского музыкально-драматического театра.

Фото Р. Рочева.

Красное Знамя
г. Сыктывкар

5 ИЮЛЬ 1965